

УДК 340.1

СПЕЦИФИКА ТЕМПОРАЛЬНОСТИ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА

Попов В.В., Агафонова Т.П.

Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал), ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет», Таганрог, e-mail: vitl_2002@list.ru

В статье рассматривается малоисследованная проблема, связанная с изучением особенностей темпоральности правового сознания социального субъекта. Выявлена тенденция к редуцированию теории процессов к теории времени. Подобную ситуацию трудно назвать оправданной, так как процесс, происходящий в определенном темпоральном интервале, не является концептуально тождественным последнему. Представляется, что построение теории детерминистских и индетерминистских процессов целесообразно начинать с семантических построений, что позволит более точно представить исходный концептуальный аппарат. Показано, что рациональность исторической ситуации входит в рамки социального действия через правовую ориентацию субъекта. В этой связи следует различать оценочную и мотивационную правовую ориентацию субъекта, что означает – каждый действующий субъект должен оценить свое окружение и с помощью мотивации внести коррективы в цель и методы совершенствования социального действия.

Ключевые слова: темпоральность, правовое сознание, социальный субъект, темпоральный интервал, рациональность исторической ситуации, теории оценки и мотивации, социальное действие

SPECIFICITY TEMPORALITY OF LEGAL CONSCIOUSNESS OF THE SOCIAL SUBJECT

Popov V.V., Agafonova T.P.

Taganrog Institute n.a. Anton Chekhov (branch) «Rostov State University of Economics», Taganrog, e-mail: vitl_2002@list.ru

The article examines the little-studied problem associated with the analysis of the temporality of legal consciousness of the social subject. The trend of reduction theory to the theory of time. A similar situation could hardly be called justified as the process taking place in a certain temporal interval, is not conceptually identical to the last. It appears that the construction of the theory of deterministic and indeterministic processes it is advisable to start with semantic constructions that will more accurately represent the original conceptual apparatus. It is shown that the rationality of the historical situation included in the scope of social action through the legal orientation of the subject. In this regard, one should distinguish between evaluative and motivational legal orientation of the subject, which means that each actor must assess your surroundings and using motivation to make adjustments in the purpose and methods of improvement of social action.

Keywords: temporality, legal consciousness, social subject, a temporal interval, the rationality of the historical situation, the theory of assessment and motivation, social action

Особенности формирования субъективной адаптации в рамках исследования правового процесса в первую очередь определяются самой степенью рациональности поведения правового субъекта. Заметим, что в данной ситуации речь, конечно, идет о многоуровневой проблеме, при этом уровень, например, коллективного отношения уже в большей степени зависит от некоторых других факторов. Речь, прежде всего, идет о мировоззренческих установках правового субъекта, о его установках, стремлениях, желаниях и так далее; но при этом на первый план выходит понятие темпорального отношения к обществу, в котором действует правовой субъект, и сама, собственно говоря, степень рациональности, его поведения в рамках не только отношения к тем действиям, которые он производит, но и в рамках тех решений, которые он принимает.

Такие понятия, как поведенческая культура – это в большей степени некоторая совокупность исторически сложившихся моделей жизнедеятельности, которые в той или иной степени являются осознанными или неосознанными с точки зрения соотношения логического и интуитивного в рамках правового субъекта. При этом, естественно, если данную проблему вывести на уровень социума, мы можем говорить о некоторых потенциальных программах, которые помогают принять правовому субъекту, в рамках анализа темпоральности исторического процесса, наиболее эффективное и рациональное решение.

В этой связи следует обратить внимание на то, что речь в большей степени идет о рациональном поведении социального субъекта не только по отношению к своим собственным действиям, но и по отношению к тому историческому процессу, который он

не только анализирует, но и который он экзистенциально принимает или не принимает. В этом смысле сама проблема, связанная с рациональностью принятия решений, становится проблемой, которая в определенном смысле является проблемой, связанной с весьма осознанным, в какой-то мере прагматическим, отношением к историческому процессу с точки зрения не только того социального субъекта, который оценивает его с ретроспективных позиций, но и с точки зрения того субъекта, который мог или может определить поведение самого социального субъекта в рамках анализа этого же исторического процесса.

Принято считать, что основой рационального, индивидуального решения правового субъекта является достижение им эффективного результата в рамках своей деятельности. При этом рациональный аспект правовой деятельности субъекта представляется с точки зрения тех альтернативных действий, которые ведут к максимально выгодному результату. То есть речь идет о том, что фактически в начале рациональной деятельности социального субъекта возникает такая проблема, которая связана с выбором определенных способов, стратегий, действий с учетом определенных средств, которые в конечном счете должны обеспечить наибольшую результативность и полезность реализуемых целей как с точки зрения их рационального значения, так и с точки зрения их значимости в социуме. В подобных случаях возникает ситуация, когда результат обеспечивает эффективность или рациональную максимизацию заранее установленной цели. Наиболее значимой чертой рациональной мотивации является ее комплексность, причем комплексность в том смысле, что движение к эффективному результату предполагает построение не только определенной иерархии социальных, но также выбор соответствия средств для достижения социальным субъектом такой социально-рациональной возможности, при которой он мог бы манипулировать этими средствами, постоянно приближаясь к наиболее эффективной ситуации. В итоге правовые субъекты как социально-рациональные индивиды действуют в социуме таким образом, что их индивидуальные рациональные действия, прежде всего, основываются на тех индивидуальных целях, которые они заранее определяли на совокупности средств, способствующих достижению этих целей.

В контексте рассмотрения принятия человеком эффективного решения возникает проблема, которую ученые пытались решить на протяжении достаточного длительного времени, но которая по-прежнему

является одной из центральных проблем в рамках рассмотрения рациональных аспектов социальной деятельности; конкретно речь идет о необходимости соотношения собственно социально-рациональной деятельности и человеческой деятельности вообще. Конечно, если говорить об эффективности результата, то подобное разделение понятий в определенной степени является надуманным, так как характеризует в большей степени разные уровни влияния человека не только на эффективность своих собственных рациональных действий и решений, но и на весь конечный результат.

Обратим внимание на то, что общая концепция человеческой деятельности в отличие от концепции темпоральности рациональной деятельности не определяет принимающего решения социального субъекта в строгие рамки данных целей и средств. Фактически рациональная деятельность в большей степени предполагает некоторое направление действий, избранное в данном случае социальным субъектом для того, чтобы в социальной сфере выступить наиболее рациональным способом. Будучи более широким, чем понятие социально-рациональной деятельности, понятие человеческой деятельности не ограничивает анализ решения той или иной проблемы рассмотрением и сопоставлением имеющихся средств и стоящих перед конкретным социальным субъектом задач.

Эффективный результат в рамках подходов к человеческой деятельности вообще не является прямым путем к простому, механическому определению заданного ответа, а предполагает выход за своеобразные, изначальные рамки, которые ставят перед социальным субъектом исходный набор поставленных целей и выбранных средств. При этом рациональное решение в конечном счете отражает не просто манипулирование имеющимися средствами с целью их точного соответствия иерархии самих целей, но оно даёт само представление об определённой системе, в рамках которой связываются сами средства и цели и в системе, в которой имеет место сама рациональная деятельность социального субъекта.

Обратим внимание на то, что социально-рациональный человек, решающий конкретные задачи, наделён склонностью приводить данные средства в соответствии с данными целями. Само это понятие предполагает некий изначально определенный образ целей и средств. Без подобного образа рациональная деятельность правового субъекта вообще не может начаться. Социальная деятельность включает в себя поведение определенной формы, с рациональных позиций нацеленное на эффективность, то есть типичное

для социально-рациональных субъектов, но кроме этого она также включает элемент, который фактически не присутствует в самой рациональной деятельности. Рациональное поведение и сам возможный уровень анализа этого поведения непременно предполагают, что в явной форме показывается та задача, которая подвергается рациональной обработке, так как это предполагает в дальнейшем выход на конкретную цель и определение конкретных средств достижения этой цели.

Некоторые проблемы, которые возникают в этом смысле, конечно, связаны с известной концепцией М. Вебера относительно целерациональности, отношения целевой и ценностной рациональности, что, в принципе, в данной работе уже отмечено. Однако, на наш взгляд, здесь мы можем обратить внимание на то, что сам М. Вебер действительно, представив определенную программу развития теории рациональности с точки зрения деятельностного подхода к социуму, тем не менее в недостаточной степени обратил внимание на сам механизм, который определяет такую важную дихотомию, как свободу выбора рациональным субъектом определенной программы своих действий, с одной стороны, и с другой стороны – на саму теорию принятия решений, которая, несомненно, зависит от исходных, теоретических, мировоззренческих, аксиологических и иных предпосылок, которыми данный субъект не может не руководствоваться при принятии подобного решения.

Конечно, в данной ситуации исследователи иногда пытаются теорию принятия решения относительно того или иного исторического события или тех или иных действий исторического субъекта в какой-то степени приписать к проблеме интуитивного отношения к темпоральности истории. Такое отношение имеет право на существование и связано в большей мере с феноменологическими, герменевтическими, экзистенциальными традициями. Мы в данной работе не будем претендовать на такой широкий анализ данной ситуации, однако можем заметить следующее. Дело в том, что если говорить о некотором интуитивном принятии решения социальным субъектом, то в рамках реальных социально-экономических и иных условий подобные решения в большей степени будут базироваться на тех прогнозах, которые социальный субъект строит в отношении некоторого будущего времени.

Поэтому, на наш взгляд, в данном случае приоритетной становится проблема: сможет ли правовой субъект говорить об определенности будущего, либо он только допускает некоторую предпосылку в отношении его неопределенности и, как следствие, возмож-

ных последствий реализации этого будущего в некотором актуальном состоянии социального субъекта, который, впрочем, принимает вполне конкретные решения.

То есть в большей степени в этом случае мы можем говорить, что речь идет даже не о конкретном осмыслении правовым субъектом того или иного исторического процесса, с одной стороны, и с другой стороны – не о его конструктивном описании. Речь идет несколько о другом – об уровне интуитивного понимания историко-правового процесса, о той информации, которая имеется у данного правового субъекта. Однако в обычной ситуации имеется целый ряд проблем, которые следует обозначить. Во-первых, мы можем говорить о том, что если социальный субъект действительно пытается конструировать исторический процесс, то по крайней мере он должен иметь для этого весьма веские или аргументированные концептуальные основания. Во-вторых, имея подобные концептуальные основания, социальный субъект должен выработать определенную программу, которая действительно могла бы в дальнейшем быть рационализирована. В-третьих, рационализированная программа уже поднимает вопрос о соотношении рационального и воображаемого в рамках самой подобной программы. В-четвертых, если подобное соотношение выяснено, то тогда фактически возникает вопрос, известный в истории философии как проблема соотношения потенциального и актуального.

И в этой связи потенциальное и актуальное переносится в сферу, которая связана с эффективностью достижения социальным субъектом того или иного принятого решения. И наконец на основании всего сказанного, конечно, следует переходить к проблеме не только рациональности как таковой, но и к проблеме прагматичности, эффективности, адекватности и так далее тех решений, которые социальный субъект принимает, обращаясь к анализу исторического процесса.

Дело заключается в том, что подобное отношение, естественно, накладывает отпечаток на те исходные предпосылки мировоззренческого, аксиологического и иного порядка, которые имеются у социального объекта. То есть речь идет о том, что мы можем использовать разные модели подхода к анализу социально-исторического процесса. В данной работе эти модели фактически заключаются в том, что правовой субъект делает упор даже не на историко-философский, историографический, некоторый иной материал, а он делает упор на свое рациональное понимание этого материала.

Конечно, такая позиция не является бесспорной, однако она имеет право на

существование, потому что сам вектор исследовательского анализа исторического процесса сдвигается не на анализ фактологического материала, а на анализ тех выводов, которые из него следуют. Конечно, мы не можем отрицать и даже поддерживаем диалог исторического и ретроспективного в анализе исторического процесса, однако когда мы оцениваем с современных позиций само представление об историческом процессе, то, конечно, для нас как современного исследователя весьма важно именно то, что мы можем измерить, проверить на эффективность, посмотреть с точки зрения тех конкретных решений, например, применения социальной философии в области социологии, психологии и иных наук. То есть дело заключается в большей степени в том, что анализ исторического процесса должен в большей степени подходить к теории принятия решений. И эти решения означают субъективный анализ не только историко-правового процесса, но и тех процедур, которые данный субъект применяет к этому историко-правовому процессу.

Вопросы, связанные с процедурной рациональностью или эффективной рациональностью по отношению к принятию решений относительно деятельности исторического субъекта, конечно, так или иначе выдвигают проблему, связанную с соотношением рационального и интуитивного в рамках той же теории принятия решений, с точки зрения имеющегося историко-фактологического материала.

Список литературы

1. Музыка О.А., Попов В.В. Время и социальная синергетика. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007. – 256 с.
2. Музыка О.А., Попов В.В., Фатыхова Е.М. Особенности оценки системного анализа социальных противоречий и переходных периодов в трансформациях современного российского общества // *Фундаментальные исследования*. – 2011. – № 8. – С. 190–194.
3. Попов В.В. *Философия права Гегеля*. – Таганрог, 1995. – 40 с.
4. Попов В.В. Социальное время и альтернативы развития будущего. // *Философия права – Ростов-на-Дону*, 2012. – № 4. – С. 7–10.
5. Попов В.В. Социально-философский аспект исследования государственно-правовых явлений общественной жизни. – Таганрог, 1995. – 40 с.
6. Попов В.В. К вопросу о философии власти Ильина. // *Юридический вестник*. – Ростов-на-Дону, 1999 – С. 52–57.
7. Попов В.В. Значение языка в формировании правовой культуры // *Язык образования и образование языка*. – Великий Новгород, 2000 – С. 29–35.
8. Попов В.В. Легитимность российских политико-правовых институтов в условиях переходного периода: конфликтологический анализ // *Современные научные достижения*. – Днепропетровск, 2006. – С. 62–68.
9. Попов В.В. Методологические и логико-семантические аспекты динамики социальной реальности // *Фундаментальные исследования* – 2011. – № 12. – С. 399–404.

10. Попов В.В. Особенности интерпретации социальных событий: факторы темпоральности и оценки // *Философия права*. – Ростов н/Д., 2011. – № 3. – С. 63–68.

11. Чаленко М.В., Попов В.В., Музыка О.А. Методологические и логико-семантические аспекты динамики социальной реальности // *Фундаментальные исследования*. – 2011. – № 12. – С. 399–404.

12. Popov V.V. Development of the modern theory of rationality // *International journal of applied and fundamental research* – Munchen, 2013. – P. 92–94.

13. Popov V.V. Rationality and freedom: inconsistency of discourse in modern science // *European Applied Sciences: modern approaches in scientific researches* – Stuttgart, 2013. – P. 126–129.

14. Popov V.V. Methodological features of social contradictions // *Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives* – Vienna, 2014. – P. 215–219.

References

1. Muzyka O.A., Popov V.V. *Vremja i socialnaja sinergetika*. Rostov n/D: Izd-vo JuFU, 2007. 256 p.

2. Muzyka O.A., Popov V.V., Fatyhova E.M. *Osobennosti ocenki sistemnogo analiza socialnyh protivorechij i perehodnyh periodov v transformacijah sovremennoego rossijskogo obshhestva* // *Fundamentalnye issledovanija*. 2011. no. 8. pp. 190–194.

3. Popov V.V. *Filosofija prava Gegelja*. Taganrog, 1995. 40 p.

4. Popov V.V. *Socialnoe vremja i alternativy razvitija budushhego*. // *Filosofija prava Rostov-na-Donu*, 2012. no. 4. pp. 7–10.

5. Popov V.V. *Socialno-filosofskij aspekt issledovanija gosudarstvenno-pravovyh javlenij obshhestvennoj zhizni*. Taganrog, 1995. 40 p.

6. Popov V.V. *K voprosu o filosofii vlasti Ilina*. // *Juridicheskij vestnik*. Rostov-na-Donu, 1999 pp. 52–57.

7. Popov V.V. *Znachenie jazyka v formirovanii pravovoj kultury*. // *Jazyk obrazovanija i obrazovanie jazyka*. Velikij Novgorod, 2000 pp. 29–35.

8. Popov V.V. *Legitimnost rossijskih politiko-pravovyh institutov v uslovijah perehodnogo perioda: konfliktologicheskij analiz* // *Sovremennye nauchnye dostizhenija*. Dnepropetrovsk, 2006. pp. 62–68.

9. Popov V.V. *Metodologicheskie i logiko-semanticheskie aspekty dinamiki socialnoj realnosti* // *Fundamentalnye issledovanija* – 2011. no. 12. pp. 399–404.

10. Popov V.V. *Osobennosti interpretacii socialnyh sobytij: faktory temporalnosti i ocenki* // *Filosofija prava*. Rostov n/D., 2011 no. 3. pp. 63–68.

11. Chalenko M.V., Popov V.V., Muzyka O.A. *Metodologicheskie i logiko-semanticheskie aspekty dinamiki socialnoj realnosti* // *Fundamentalnye issledovanija*. 2011. no. 12. pp. 399–404.

12. Popov V.V. Development of the modern theory of rationality // *International journal of applied and fundamental research* Munchen, 2013. pp. 92–94.

13. Popov V.V. Rationality and freedom: inconsistency of discourse in modern science // *European Applied Sciences: modern approaches in scientific researches* Stuttgart, 2013. pp. 126–129.

14. Popov V.V. Methodological features of social contradictions // *Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives* Vienna, 2014. pp. 215–219.

Рецензенты:

Музыка О.А., д.ф.н., профессор кафедры философии и социологии права, Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал), ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет», г. Таганрог;

Щеглов Б.С., д.ф.н., профессор кафедры философии и социологии права, Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет», г. Таганрог.